

ПОЛИТИКА

*Когда Россией будет управлять Маргарет Тэтчер?
Несколько штрихов к коллективному портрету
женщины-политика в российском информационном
пространстве и о самом медийном пространстве*

Надежда Ажгихина

О политическом участии женщин в постсоветской трансформации написана уже целая библиотека. Одна библиография, охватывающая работы, созданные в рамках самых различных дисциплин, форматов и направлений, при этом на многих языках, заняла бы место, едва ли не превышающее размер настоящего текста. Одно перечисление диссертаций на соискание степеней по данной проблематике включает несколько десятков единиц, и число это неуклонно пополняется, отчасти за счет новых отделений, кафедр и специальных семинаров и программ в десятках российских вузов и научных учреждений. Факт несомненный: гендерная проблематика стала заметной составляющей многих дисциплин, политологии в том числе, чему свидетельство – не только соответствующая секция в разделе политических наук РАН, но и живой интерес многих околополитических и политических организаций¹. Однако в данном случае речь пойдет не о них и даже не о сути и особенностях совершенно реального и драматического гендерного разрыва в современной российской политике, дающего себя знать практически на всех уровнях жизни страны. Но о том, каким образом в годы трансформации, так до конца и не отслеженной, не проанализированной и даже толком не обсужденной, менялось восприятие женщин – непосредственных участниц политических процессов. И о том, какую роль в том, что мы имеем на сегодняшний день, сыграли российские СМИ.

СМИ выполняют в гендерной дискуссии традиционную роль красной тряпки, неизменно оживляют ровный академический строй обсуждения, повышают адреналин и вызывают практически у всех участников нестандартные реакции (а подчас и активные действия – типа попыток ввести все более милую сердцам миллионов цензуру) и значительно реже – желание вникнуть в суть функционирования самих СМИ в нашем отечестве, разобраться в противоречивых процессах, раздирающих буквально на части так до конца и не сложившееся отечественное информационное пространство^{2,3}. И уж совсем редко у критиков возникает побуждение увидеть реальные лица тех, кто, собственно, и готовит практически медийный продукт. Пятнадцатилетняя практика Ассоциации журналисток, к которой автор имеет честь быть причастной с самого первого дня, равно как и знакомство с практикой многих стран мира в данной области, убеждают: проблема, как, впрочем, и большинство всех остальных, не является исключительно российской приметой; в мире происходит много похожего, хотя в отдельно взятых обществах случаются приятные исключения, способствующие фантастически продуктивным решениям этих самых проблем. Серьезный разговор о практическом опыте, а также о сегодняшних возможностях практических действий по любому поводу, у нас многих страшит, как назойливое напоминание о реальности страшит обитателей опийного притона или любого иного потребителя галлюциногенов, пребывающего в сладком полубытьи. Однако об этом несколько позже.

Пытаясь ответить на не такой уж незатейливый вопрос – что, все-таки, произошло с женщинами на уровне принятия решений за последние двадцать лет? – нельзя не вычленить три основные составляющие сюжета.

Первая составляющая предполагает оценить простые статистические данные, характеризующие эпоху. Сколько именно женщин участвовали и продолжают принимать участие в принятии судьбоносных решений на всех уровнях власти? Кто они такие? Почему именно они? И что делало государство и общество для того, чтобы именно эти люди представляли их интересы? И наконец, какова эффективность работы представительниц для страны и для достижения идеалов гендерного равенства?

Вторая – теснейшим образом связанная с первой – а что, собственно, общество думало об этих женщинах? Что формировало коллективный образ женщин во власти и индивидуальные имиджи наших политиков? Какую роль СМИ сыграло в реализации (или невозможности реализации) той модели, которая была задумана? Как менялось восприятие женщин-политиков в СМИ за эти годы, и как эти изменения коррелировались с изменениями в идеологии?

И, наконец, третья посвящена самим СМИ и журналистам, которых обычно не принимают во внимание, считая по старинке не то «колесиками», «винтиками» партийного механизма, не то рядовыми и чернорабочими информа-

ционных войн, действующими строго по приказу. Очевидно, такая точка зрения, чрезвычайно популярная в последние годы, довольно рентабельна как в политическом, так и в практическом смысле. Вопреки трехсотлетней истории отечественной журналистики, вопреки правде советского периода и перестройки, совсем недавно взошедшей, как тесто на дрожжах, на идеале индивидуальной гражданской ответственности и действенности честного печатного слова, обществу навязывается идея деперсонифицированного, по определению сервильного и нечистоплотного «журналиги». Примечательно при этом, что с последним утверждением соглашаются как политтехнологи правящей элиты, так и многие представители гендерных школ и женских политических групп, во многом оппозиционные нынешним элитам. Этот тревожный симптом также заслуживает осмысления.

Однако по порядку.

Жар холодных цифр

Традиционно говоря о гендерном равенстве и о гендерной составляющей политического пространства, подавляющее число авторов обращались к количественным показателям. Позволю себе напомнить о некоторых из них.

Совет Европы и ООН регулярно выпускают карты континентов, где в разные цвета окрашены страны с минимальным и максимальным процентом женщин в правительствах, парламентах и среди первых лиц государства. Больше всего женщин в руководстве на сегодняшний день в Швеции и Руанде. Россия занимает место в шестом десятке. Кстати, двадцать лет тому назад СССР относился на тех же картах к числу наиболее передовых стран – благодаря известной всем квоте, согласно которой женщины должны были непременно занимать треть от всех представителей выборной власти. И занимали. Правда, не были представлены в Политбюро ЦК КПСС, почти не присутствовали в политике в качестве министров, то есть там, где принимались реальные решения. Избранницы, как все опять-таки помнят, пополняли ряды послушного большинства и среднего уровня номенклатуры, голосуя за решения партии, будь то запрещение аборт или фактическое запрещение любой контрацепции, кроме аборта, введение ограниченного контингента войск в Афганистан и многое другое. О том, как ужасна была повседневная жизнь советских женщин, о скрытой дискриминации в политике и невозможности выдвиженок реально изменить ситуацию к лучшему, написаны тома⁴. Лицемерие советской модели равенства навязло у всех на зубах, и народ приветствовал отмену квот во время относительно свободных выборов в Верховный Совет СССР в 1989 году. Она совпала с судьбоносным решением об отмене шестой статьи Конституции, упразднившим руководящую и направляющую роль партии в стране,

разрушением Берлинской стены и многими другими символическими событиями. Немедленно процент женщин сократился ровно вдвое. Дальше – больше, в 1993 году женщины набрали всего 13%, в 1996 – рекордно – меньше восьми, хотя в 1999 – 10%. Правда, в 21 веке женщины практически не присутствовали среди российских министров, всем известна единственная женщина-губернатор. Параллельно увеличивается представительство женщин в региональных и местных органах власти – преимущественно на вторых и третьих ролях, среди мэров малых городов и муниципальных образований, среди заместителей министров, в том числе – обороны и иностранных дел. Растет представительство женщин в политических партиях, правда, не в первых десятках. Растет число выпускниц Российской академии государственной службы (где, кстати, также открылось гендерное отделение).

Собственно, все это лишний раз подтверждает тезис об увеличивающемся разрыве, в том числе и гендерном, между верхушкой российской властной пирамиды и регионами, в том числе региональными элитами.

Следующий вопрос – а кто эти женщины, те, которые наверху? О которых говорят, которые влияют на принятие решений?

Поразительный ответ на этот вопрос дает исследование, которое с 1991 по 2001 публиковал в «Независимой газете» Фонд *vox populi*. Ежемесячно печатался рейтинг ста ведущих политиков и лоббистов России. И если среди лоббистов женщин практически не было по понятным причинам неучастия в перделе бывшей крупной госсобственности, то рейтинг политиков впечатлял, а заодно иллюстрировал нагляднее смену политического ландшафта и идеологического климата в стране⁵.

Итак, начало 90-х. Среди ста политических олимпийцев – бесконечно разные, но, несомненно, яркие представительницы тогдашней политической дискуссии и партстроительства. Стабильно высок рейтинг Елены Боннэр, Нины Андреевой, Сажи Умалатовой, Галины Старовойтовой. То есть, политический спектр представлен довольно широко. Чуть позднее в сотню попадают Хакамада, Памфилова, Горячева, Апарина, Лахова, Мизулина, Ярыгина, Дмитриева. Они не среди лидеров, но стабильно присутствуют. 1996 год – в своем роде переломный, Хакамада попадает не каждый месяц даже на последние строчки, зато появляется Джохан Полльева и несколько месяцев в первой десятке (однажды – на четвертой строке, то есть сразу после президента и обоих спикеров) возникает Татьяна Дьяченко. К началу нового тысячелетия список почти полностью мужской, Хакамада с Лаховой уступают новым фавориткам: Слиске и Матвиенко. Новых имен практически не возникает.

Какова же политика государства в отношении гендерного равенства и политического участия женщин в управлении страной? Двадцать лет трансформации продемонстрировали целый ряд возможных подходов к ее формированию.

После распада СССР необходимость такой политики полностью отверглась тогдашним руководством. Принципиальные выступления Римашевской, Посадской и Захаровой «Как мы решаем женский вопрос?» в перестроечном «Коммунисте» (1989) акцентировались на проблеме гендерного неравенства и необходимости включения этой проблемы в повестку дня реформ. Это не было услышано. Общеизвестен случай визита исследовательниц к тогдашнему премьеру, который отверг предложения социальной поддержки женщин, заявив, что та не вписывается в неолиберальную повестку дня.

Начало 90-х – полный гендерный нигилизм на фоне неолиберальной истерики и беспредельщины дикого рынка на обломках империи. Параллельно набирают силы исследовательские центры, ширится международное сотрудничество, растут независимые женские организации. Еще до развала СССР началась работа по созыву первого независимого форума женщин, вполне вписывающаяся в контекст развития ростков гражданской активности в стране. Лозунг активисток «Демократия минус женщина – не демократия» был воспринят, кажется, повсюду в мире с пониманием и даже с энтузиазмом. Кроме родной страны, где традиционно (в рамках проявления постсоветской травмы, как справедливо заметила Ирина Тартаковская^{6,7}) женская политическая активность воспринималась как проявление сброшенного с парохода современности социалистического догмата. Тем не менее, активисткам движений был свойствен характерный для всего демократического вектора той эпохи романтизм и искренняя вера в вероятность изменения хода вещей.

Весь мир готовился к Пекинской конференции 1995 года, которая была призвана открыть новую эру гендерного равенства на планете. Российская группа делегатов впервые включала (благодаря появившимся в то время представительством западных фондов), помимо функционеров, представительниц общественных организаций и академических институтов. Именно Пекинская конференция и группа мероприятий, ее сопровождавшая, стали основой многих гендерных инициатив в бывшей Восточной и центральной Европе, России и СНГ. Неожиданно (хотя на самом деле вполне обоснованно) женская тема получает поддержку ельцинской администрации. Еще в 1994 году, вскоре после другой всемирной конференции в самой администрации, была создана комиссия по положению женщин, семьи и демографии. Возглавила ее Екатерина Лахова, близкий семье президента человек. Сам факт создания комиссии – живая иллюстрация органического сочетания в недрах российской политики вполне противоречивых тенденций: «семейного предприятия» и отчаянного стремления прорваться в мир из-за обломков железного занавеса, принять участие во всех возможных международных гуманитарных и иных инициативах, по крайней мере казаться равноправными участницами глобальных процессов.

Середина 90-х – поистине золотой век женских движений в стране, и параллельно – пик интереса власти, лихорадочно ищущей новые опорные точки, к женскому вопросу.

Подписавшая все возможные гендерные конвенции Россия развивает (по крайней мере, формально) национальные механизмы по улучшению положения женщин и продвижению их во власть. Помимо комиссии в администрации президента действует межведомственная комиссия правительства, активно сотрудничающая с Комитетом Государственной думы по делам женщин, семьи и молодежи, соответствующая структура создается в Совете Федерации; Минтруд формирует постоянно действующий круглый стол, включающий представителей общественных организаций. В Кремле, в парламенте, в администрациях городов и регионов проводятся масштабные конференции и слушания по улучшению положения женщин, действует несколько десятков крупных международных проектов того же направления, в том числе межправительственных, и сотни малых проектов. Число грантов, полученных государственными и общественными организациями на развитие гендерного равенства, переваливает за тысячу! Женские организации демонстрируют готовность решать социальные вопросы, которые не в состоянии осилить государство, идеи социального партнерства подняты на щит. В канун выборов 1996 года принимается рекордное число президентских указов, непосредственно направленных на улучшение положения женщин, один из них непосредственно призывает выдвигать женщин на руководящие посты и формировать женский кадровый резерв. Апофеоз ельцинской гендерной риторики – предвыборное (1996 г.) обращение к нации «Человек, семья, общество, государство», в котором содержится довольно радикальная для подобного рода документов глава, посвященная гендерному равенству, преодолению домашнего насилия и дискриминации в политике и экономике.

Показательно при этом, что никаких средств вся эта бурная деятельность не предусматривала, и западные наблюдатели, интересующиеся развитием национального механизма продвижения гендерного равенства, никак не могли взять в толк, почему в отчетах России ничего не сказано о проценте бюджетных средств, направленных на реализацию равенства и имплементацию всех замечательных идей.

В середине 90-х – всего один думский срок – в российском парламенте работала фракция «Женщины России». О ней также уже немало написано, но тем не менее, этот уникальный – и бесконечно противоречивый – опыт все еще ждет своего исследователя. Фракция прошла в парламент на волне ожиданий, отчасти – на волне общего интереса к позиции женщин, на волне жажды обновления политики и экономики, получила достаточно высокий процент поддержки и не очень заботилась о собственном пиаре (что впоследствии стало одной из причин неудач, хотя и не основной). Возглавили новое движение

три крупные организации: «Союз женщин России» (наследник Комитета советских женщин, во главе с Алевтиной Федуловой), «Союз женщин военно-морского флота» (руководитель – Марина Добровольская) и движение «Женщины России» во главе с Екатериной Лаховой. В списки вошли представительницы государственных структур и исследовательницы, юристы и экономисты. Войдя в Думу, фракция сразу привлекла к себе внимание, сформировав Комитет по делам женщин, семьи и молодежи, выступив с рядом законодательных инициатив (был принят Кодекс законов о семье, учитывающий условия рынка, предложены законы о предотвращении жестокости и домашнего насилия, закон о репродуктивных правах. Два последние не прошли до сих пор). В то же время, разнородность блока, отсутствие четкой политической стратегии и реального сотрудничества с женскими общественными организациями страны не позволили ему реализовать свои возможности со всей полнотой. Популярность блока резко падала – в том числе и в связи с позицией в отношении крайне непопулярной Первой чеченской кампании, которую «Женщины России», в отличие от комитетов солдатских матерей и 90% всех российских НПО, поддержали. Защита интересов государства в глазах избирателей стала более важным приоритетом движения, чем защита интересов женщин и граждан вообще. Следующие выборы блок, раздираемый к тому времени внутренними противоречиями, проиграл, и больше не выходил на авансцену – особенно после принятия поправок к закону о выборах, согласно которому запрещалось создавать партии по половому признаку. Тем не менее, опыт фракции в целом оказался довольно полезным, он дал богатейший материал для анализа политических тенденций в России.

Начиная с 1996 года женское участие в политических процессах активно заявляет о себе в регионах. Женщины не голосуют за женщин – это сенсационное открытие, артикулированное Галиной Силласте в 1999 году⁸ и вызвавшее бурный протест бывших фракционерок, отчасти объяснялось фактором неприятия личностей некоторых политических дам, в сознании обывателя слишком тесно сомкнувшихся с новой ельцинской бюрократией и не способных обратиться к аудитории с живым человеческим словом, подкрепленным делом.

В середине 90-х наиболее яркой альтернативой «государственницам» из «Женщин России» оставалась Галина Старовойтова. По некоторым оценкам, именно она имела реальные шансы претендовать на пост президента в будущем. Трагическая гибель от рук наемного убийцы влиятельной женщины-политика, активно заинтересовавшейся в последние годы гендерной проблематикой, обескровила демократическое крыло. Ярким оппонентом «Женщин России» выступала Ирина Хакамада, пытавшаяся также создать собственную гендерную платформу, но не нашедшая понимания у новых российских активисток и утратившая к новой риторике серьезный интерес. Аналитики сходятся на том, что гендерный фактор не позволил ей в свое время возглавить Союз пра-

вых сил, который бы только выиграл от этого. Стабильная, хотя и скромная популярность Эллы Памфиловой, замешанная на социальной ответственности, вызвала к ней симпатии соотечественников, но не более. Татьяна Ярыгина, одна из наиболее принципиальных и деятельных лидеров «Яблока», возглавлявшая межпарламентскую комиссию женщин, все время оставалась в тени. Созданная в Думе группа женщин-депутатов так и не смогла преодолеть межфракционные противоречия. Эпоха демократок, пусть и социально ориентированных, стремительно уходила в прошлое, впрочем, так же, как и эпоха убежденных коммунисток. Апарина, Горячева, Астраханкина – едва ли не самые активные из парламентариев – в конце 90-х растеряли популярность и, похоже, уверенность в себе.

1999 год явил миру целых четыре женские избирательные группы – ни одна из них не преодолела необходимый для вхождения в парламент барьер, лица лидеров большинства из них остались практически неведомы аудитории. Зато возникали новые персонажи, напрямую ассоциирующиеся с укрепляющейся властной вертикалью и единственно связанной с ней партией «Единая Россия», прежде всего, Любовь Слиска и все та же Валентина Матвиенко. На следующий год был практически распущен национальный механизм продвижения женщин и гендерного равенства: одной из первых новым президентом была ликвидирована Комиссия по делам женщин, семьи и демографии. В новом правительстве не нашлось места для заместителя премьера по социальным вопросам – соответственно, была ликвидирована Межведомственная комиссия, посвященная гендерному равенству. Приоритеты новой политики уходили все дальше от риторики гражданской солидарности и прав человека, гендерная составляющая не вписывалась в строящуюся вертикаль. Присутствующие в политическом поле Памфилова (ныне – глава Президентской комиссии по правам человека), лидер собственной партии Ирина Хакамада, член «Единой России» Екатерина Лахова известны аудитории, но никаким реальным весом не обладают.

Начало 21 века наглядно демонстрирует снижение роли персоналий в политическом российском процессе – мужчины и женщины выполняют возложенные на них функции, деперсонализация политического поля никогда не была столь отчетливой. Портреты женщин-политиков этот тезис подтверждают.

Политиками – в том числе в рамках широко обсуждаемых национальных проектов (впервые за много лет политика обрела отчетливую социальную риторику, время от времени в ней проступают эгалитарные нотки) – женщины чаще всего рассматриваются как человеческий и демографический материал.

Напоследок не могу не привести еще одно соображение, точнее, вывод исследования работы женщин-политиков Государственной думы предыдущего созыва, предпринятое Институтом «Общественная экспертиза» в 2005 году⁹. Выяснилось, что женщины-депутаты вдвое активнее участвовали в обсужде-

ниях законопроектов, среди них не было ни одной, подобно Иосифу Кобзону, набравшей в рот воды на четыре года и не попросившей слова. Они активнее встречались с избирателями, вносили предложения и направляли запросы. Наконец – и это самое поразительное – наши народные избранницы, невзирая на личные отношения и партийную дисциплину, проявляли редкое единодушие в голосовании по ряду вопросов, прежде всего, связанных с повседневными нуждами граждан. В частности, по поводу ядерных отходов, альтернативной военной службы, количества бесплатных мест в вузах, реформы здравоохранения и так далее. Вывод, который сделали исследователи – не замеченные доселе ни в каких гендерных предпочтениях и участии в гендерных дискуссиях – прост. Если бы в российском парламенте, даже таком, каков он есть сегодня, женщины составляли хотя бы треть депутатов, мы жили бы в другой, более социально ориентированной и справедливой стране.

Баронесса и примадонна

Роль СМИ в формировании имиджа политика трудно переоценить. В последнее время, как показывают исследования, российское медийное пространство, так и не ставшее в полной мере информационным, превратилось в тотально политическое, в поле выражения и реконструкции политических систем, имиджей и предпочтений¹⁰.

За обозреваемые 20 лет российская журналистика проделала гигантский извилистый путь. От рупора и прислужницы партии (по версии М. Капустина, которая представляется более аргументированной, – триединства пропаганды, альтернативной пропаганды и собственно СМИ как части культуры, балансирующей между первыми двумя¹¹) она в жаркие перестроечные годы пришла к концепции «четвертой власти», памятной многим и сыгравшей роковую для собственно журналистики роль. Основой и подоплекой этой концепции стала оторванность российской интеллектуальной элиты от мировой, а также многообразие проявлений постсоветской мифологии, идеализирующей и романтизирующей рынок, Запад как таковой и иллюзорные представления о свободе и демократии как о старинной крестьянской мечте – «вольнице», не имеющей ограничений и механизмов саморегулирования¹². Результатом была полная неготовность медийного сообщества к рынку, отсутствие механизмов защиты качественной журналистики и прав журналистов, ставшие причиной последовательного превращения СМИ в орудие групповых политических и экономических споров. Начиная с середины 90-х СМИ – не инструмент, но орудие труда противоборствующих групп. Эпоха медийных войн на телеэкране привела к резкому падению престижа профессии и девальвации журналистского слова¹³.

В 1996 году СМИ сыграли важнейшую роль в выборах непопулярного кандидата (первоначальный рейтинг Ельцина – 4%), в 2000 – продемонстрировали полное единство с наметившейся господствующей линией политического поведения, практически открыто провозгласив пропаганду принципом современных СМИ¹⁴. В настоящее время немногие независимые СМИ, выражающие не совпадающую с генеральной линией позицию, только подтверждают это.

Все м памятны кампании 1996 и 2000 годов, когда усилиями СМИ политики с минимальным рейтингом становились кумирами нации. С той разницей, что в 1996 году кампания «Голосуй или проиграешь» обошлась примерно в годовой бюджет страны, а в 1999 году технологии позволили значительно сэкономить средства.

Все сказанное вполне относится и к образам женщин-политиков. Точнее, к отсутствию интереса современного политического медийного пространства к таким образам и политикам как таковым.

Причина тому – и «постсоциалистический патриархатный ренессанс» в обществе¹, начавшийся в неолиберальные угарные годы, и неготовность общества журналистов воспринимать новые тенденции и практики, и отсутствие реалистического, адекватного времени языка диалога с аудиторией о насущных проблемах.

С начала 90-х Ассоциация журналисток предпринимала исследования женских образов в СМИ. Результаты впечатляли – процент представленности женщин вообще низок, а женщины-политики занимают ничтожно малую площадь от всех публикаций по сравнению с коллегами-мужчинами¹⁵.

Последний рейтинг самых популярных женщин привел в шок всех. Первое место и абсолютное доверие россияне выразили бывшему английскому премьеру и баронессе Маргарет Тэтчер. С большим отрывом шла наша примадонна, Алла Пугачева, ныне член Общественной палаты при президенте РФ. Ни одной женщины-политика в списке не было.

Сопоставляя эти данные с устойчивым доверием, которое аудитория сегодня выражает женщинам-руководителям регионального и местного уровня (по опросам РОМИР женщины считают более практичными, менее коррумпированными, и вообще социально ответственными; именно этого сегодня ждут россияне от власти), можно сделать неожиданный вывод, а именно: идеальным политиком, и, вероятно, первым лицом государства соотечественники не прочь видеть эдакую строгую матушку-царицу, неолиберальную монархиню. Другими словами – российскую Маргарет Тэтчер.

Пейзаж после битвы

Образы современниц на страницах газет и журналов, в рекламе и сети Интернет, на экране привлекают внимание исследователей не первый год.

Первые попытки анализа были предприняты американскими исследовательницами в середине 70-х, с тех пор методики совершенствовались, число аналитиков росло в геометрической прогрессии, география охватила практически все обитаемые части света, а жизнь, точнее, практика СМИ, неустанно предлагала все новые, подчас довольно причудливые образцы для изучения. На сегодняшний день этой проблеме посвящена довольно обширная литература, проводятся ежегодные мониторинги, кампании, в том числе под эгидой ЮНЕСКО¹⁶.

Представляется небезынтересным несколько изменить привычный угол зрения и обратиться не только и не столько к динамике образов женщин в СМИ, но в первую очередь к анализу гендерной составляющей журналистики. Такой подход представляется продуктивным, так как именно журналисты, мужчины и женщины, в конечном итоге и являются творцами образов, а также стереотипных представлений, мифологем, в которых их исправно обвиняют продвинутые гендерные исследователи.

Сегодня в СМИ трудится рекордное за всю историю число женщин. Никого в мире не удивляет женщина-ведущая теленовостей, автор политического расследования, военного репортажа, освещения встреч на высшем уровне. Еще сорок-пятьдесят лет назад это казалось экзотикой, многих раздражало и вызывало неприятие. В подавляющем большинстве стран журналистика считалась исключительно мужским занятием. Сегодня женщины составляют около 40% от всех журналистов в мире, в некоторых странах их количество превышает число коллег-мужчин. Совершенно очевидно, что эта динамика отражает всеобщие глобальные процессы, происходящие в последние десятилетия¹⁷.

Первые исследования гендерной специфики СМИ и журналистики начались в конце 60-х – начале 70-х, параллельно с гендерными исследованиями других областей. Именно тогда женщины, составлявшие в профессии абсолютное меньшинство, начали агрессивное наступление на редакционную политику в развитых странах, точно так же, как началось их наступление на юриспруденцию, медицину, бизнес.

В Новой Зеландии в период с 1972 по 1994 годы количество женщин-журналистов выросло с 18% до 45%, в Скандинавии – до 49%, за то же время в Тунисе число журналисток удвоилось и достигло 22%.

Процесс охватил все страны. В традиционалистской Японии к 1991 году женщины составляли всего 8% репортеров, однако двадцать лет до того их вообще не было.

В то же время феминизация профессии не привела к значительному увеличению доли женщин в руководстве СМИ. Национальная федерация женщин-работников печати США в 1992 году отметила, что за пятнадцать лет количество женщин в руководстве изданиями выросло лишь на 1%.

В середине 90-х годов (по данным первого исследования женщин на рынке труда СМИ, предпринятого в 1995 году) женщины составляли всего 6% от всех руководителей национальных СМИ в мире¹⁸.

Феминизация профессии, сопровождающаяся очевидной визуализацией присутствия женщин (особенно на ТВ и радио – женские лица и голоса благотворно влияли на аудиторию и повышали рейтинг программ), тем не менее, не понизила уровень дискриминации по признаку пола в сфере занятости и не способствовала ликвидации гендерных стереотипов в СМИ.

Международное сообщество обратилось к исследованию гендерной составляющей СМИ впервые в середине 90-х, в канун Всемирной конференции по положению женщин в Пекине (самой представительной за всю историю ООН), собравшей более 30 тысяч участниц и выработавшей наиболее кардинальные предложения и программы, направленные на достижение гендерного равенства.

В феврале 1995 в Торонто состоялась первая международная конференция «Женщины и СМИ» под эгидой ЮНЕСКО, в которой приняли участие представительницы практически всех стран-членов ООН (в том числе – представительницы независимых СМИ России). На конференции обсуждалось первое масштабное исследование «Неоконченная повесть: женщины в средствах массовой информации. Гендерный анализ трудовых ресурсов». Это было первое исследование подобного рода (к сожалению, столь масштабного анализа трудовых ресурсов мира с тех пор не предпринималось). Оно выявило основные тенденции развития гендерных сюжетов СМИ, в частности, увеличение числа студентов на факультетах и отделениях журналистики; более активное вхождение женщин в состав менеджмента в печатных СМИ, чем в электронных; наличие повсеместной дискриминации работающих матерей; «стеклянный потолок» в медийном бизнесе, стойкие гендерные стереотипы.

К сожалению, исследование не охватило медийных индустрий многих стран во всей полноте, сведения о многих странах были представлены отрывочно, тем не менее, полученные данные позволили сделать определенные выводы.

Бесспорными лидерами по представленности женщин в СМИ оказались страны Северной Европы и Северной Америки, в хвосте списка – страны тихоокеанского и южноазиатского регионов. Страны с переходной экономикой не были представлены достаточно активно, что не позволило говорить о специфике феминизации профессии в этом регионе (это было сделано впоследствии в других работах).

Исследователи предложили также ряд мер, направленных на искоренение гендерных диспропорций и дискриминации в СМИ, исходя из простого тезиса: свободные СМИ невозможны там, где нет подлинного равенства в профессии.

Этот тезис стал основным и в подходах Международной федерации журналистов. Начиная с Конгресса МФЖ в Сеуле¹⁹, МФЖ включает в число своих приоритетов работу, направленную на исследование составляющей журналистики и развитие гендерного равенства в профессии.

В 2001 году МФЖ в сотрудничестве с Юнеско предприняли исследование гендерной составляющей профессии. Основой стали анкеты, направленные в национальные союзы – члены МФЖ. Было установлено, что женщины составляют 38% от всех журналистов, больший процент женщин в прессе – в США (37%), в электронных СМИ – в Марокко (45%).

Внештатных корреспондентов-женщин больше всего в европейских странах (около 20%), почти нет их в Азии (2%). Женщины-руководители занимают не более 20% от всех лидеров, лидеры: Кипр, Коста-Рика, Мексика и Швеция. Примечательно, что Россия и многие страны бывшего советского пространства не попали в фокус исследования и на этот раз, что несколько исказило общую картину. Итак, в азиатско-тихоокеанском регионе, по данным МФЖ 2001 года, женщины составляли 12% в профессии, из которых 0,1% – в руководстве СМИ, в Европе – соответственно 40% и 3%, в обеих Америках – 41% и 5%. В Африке – 25% и 1,4%.

В союзах журналистов женщины составляли 12% от всех членов и 7% в руководстве в Азии, 37% и 19% соответственно в Европе, 49% и 20% в Америках, 17% и 9% в Африке.

Примечательно, что значительное число союзов уделяли внимание развитию гендерных программ и созданию женских секций. Это 32% союзов Азии, 35% в Европе, 37% союзов в обеих Америках и 42% в Африке. 62% американских союзов, половина европейских, 14 африканских и 10 азиатских были озабочены проблемой неравной оплаты труда в связи с гендерной дискриминацией. 27% всех союзов журналистов разрабатывали программы, посвященные преодолению гендерной стереотипизации в СМИ.

На основании полученных данных (несмотря на то что исследование, опять-таки, выявило лишь тенденции и не представило полной картины гендерного разрыва в СМИ в мире), Конгресс МФЖ выработал рекомендации для своих членов и одобрил План действий по преодолению гендерного разрыва.

На основании этого документа во многих странах (в том числе и в России) были приняты национальные программы действий, региональные программы, обсужденные впоследствии на Афинском Конгрессе МФЖ, который поддержал работу в области обеспечения гендерного равенства и предложил новую стратегию преодоления гендерного разрыва. Работа осуществлялась также

на региональном уровне: в 2003 году в Улан-Баторе состоялась встреча представителей журналистских сообществ стран Азии, Южного Кавказа и России, а также Австралии. В 2005 году европейские представительницы журналистских ассоциаций и союзов собрались на Кипре, обе встречи завершились разработками специальных документов²⁰.

Новые исследования осуществились в 2006 и 2007 годах, в фокусе были страны Европы (2006, под эгидой ЕФЖ) и постсоветское пространство (СЖР, МФЖ, 2007).

Европейское исследование (базирующееся вновь на анкетах, полученных из союзов журналистов), подтвердило активную феминизацию профессии в регионе. В целом женщины составили 47% от всех европейских журналистов, лидировали в России (до 80%), Словакии (57%), Финляндии (55%), Сербии (50%), Эстонии (48%).

Женщины активно завоевывали место в союзах. По сравнению с общими данными 2001 года (37%), в союзах Европы женщины составляли уже 46%. Они составили уже 39% руководителей европейских союзов. Половина европейских союзов вели активную работу по продвижению равенства, разрабатывали специализированные программы и проекты, треть союзов включили гендерный совет в состав руководящих органов организаций.

В то же время, разница в оплате труда в Европе подтвердила наличие дискриминации – женщины получают тут на 15% меньше мужчин (в Швеции, Дании, на Кипре союзы не констатировали разницы в оплате, в Швейцарии отметили 10%, в России, Германии, Норвегии от 20 до 30%) Дискриминация в оплате труда носит скрытый характер и трудноопределяема во многих странах. Отмечен «стеклянный потолок», трудности в обеспечении равных условий труда для работающих матерей, а также отсутствие стратегий достижения равенства в самой среде женщин-журналистов. Исследование предложило стратегии преодоления гендерного дисбаланса.

Самое последнее исследование гендерной составляющей СМИ было завершено в начале 2007 года и представлено на гендерной экспертной встрече МФЖ в Москве. Вот его краткие результаты.

За годы, прошедшие с момента распада СССР, медийные системы в странах, некогда составлявших бывшую империю, претерпели значительные изменения. В то же время, даже поверхностное знакомство с ситуацией в странах СНГ и Балтии наводит на мысль о том, что новые рыночные тенденции соседствуют с некими старыми, унаследованными, бесспорно, от бывшей системы массовой информации и пропаганды, приметами. Не будет преувеличением сказать, что постсоветское медийное пространство, при всей несхожести политических режимов, идеологических предпочтений и реалий в государствах, его составляющих, тем не менее, имеет значительно больше сходства, чем различий. К таким выводам авторов привело недавнее исследование, предпринятое

СЖР и группой аналитиков в рамках совместного проекта СЖР и МФЖ в преддверии Всемирного Конгресса журналистов в Москве. Основной задачей исследования была попытка оценить гендерные измерения в СМИ и журналистике постсоветских стран. Такая попытка была предпринята впервые (до настоящего времени различные проекты, посвященные гендерной составляющей в СМИ, были сосредоточены в основном на контент-анализе публикаций и телепрограмм и не затрагивали системы организации СМИ или динамики журналистского сообщества).

В основе исследования лежали пять групп вопросов: о гендерном составе руководства СМИ, журналистской профессии, журналистского образования, профессиональных союзов и ассоциаций, а также о том, кто является реальными властителями дум в наших странах.

Были получены материалы из 15 стран: Армении, Азербайджана, Грузии, Украины, Беларуси, Литвы, Эстонии, Латвии, Казахстана, Киргизстана, Узбекистана, Туркменистана, Молдовы, Таджикистана и России. Таким образом, в фокусе исследования практически полностью оказался регион, не подвергавшийся системному анализу в течение довольно длительного времени. Общее число профессиональных журналистов постсоветского пространства приблизительно оценивается в 400 000 тысяч человек, общее число реально действующих СМИ – более 50 тысяч.

Цифры по понятным причинам приблизительные: не только в России, но и в подавляющем большинстве анализируемых стран медийная статистика практически отсутствует, гендерная статистика не ведется. О количестве реально действующих изданий и компаний можно сделать вывод, опираясь на данные рекламных компаний других партнерских организаций. Министерства не в состоянии отследить деятельность получивших лицензию. Та же проблема с оценкой доходов журналистов, во многих странах официальных данных нет, положение усложняется полулегальной формой выплаты вознаграждения и т.п. Тем не менее, работа, проделанная аналитиками (большинство из них – участники сети «ГендерМедиаКавказ») позволила сделать определенные, и весьма показательные, выводы²¹.

Первая группа вопросов, напомним, касалась гендерного состава руководства СМИ. Выяснилось, что руководство СМИ во всех без исключения странах – сфера безраздельного мужского господства. Почти 100% всех владельцев национальных СМИ в бывшем советском пространстве – мужчины. Среди главных редакторов национальных СМИ в некоторых странах (Узбекистан, Таджикистан) также нет женщин. Больше всего «руководителей в юбках» в Эстонии, Молдове и Украине (20%), Армении (15%), России (10%).

Женщины чаще владеют медийными компаниями регионального и местного уровня. Среди принимающих решения на национальном уровне – это чаще главные редактора газет и журналов, а также радиокomпаний, чем национального ТВ.

Тем не менее, налицо прогресс по сравнению с советским периодом – в СССР не было женщин-главных редакторов центральных общественно-политических журналов вообще, среди региональных и местных СМИ их также было немного. Сегодня в Армении и Грузии в региональных и местных СМИ женщины составляют 70-80%, в России – до 90%; женщины составляют большинство руководителей местных изданий.

Значительно более сбалансирован в гендерном отношении менеджмент среднего звена – прежде всего в странах Южного Кавказа, Балтии, России, Украине, Казахстане. Заметно, что частные СМИ охотнее предпочитают руководителей-мужчин. Любопытно, что во многих странах, где развита двуязычная пресса, женщины чаще руководят русскоязычными изданиями – это практика Эстонии, Литвы, Украины, Казахстана, Узбекистана и Армении.

В некоторых странах, практикующих клановый стиль руководства, женщины-руководители СМИ являются членами семьи или клана национального лидера (Казахстан, Туркменистан).

Вторая группа вопросов была связана с гендерными характеристиками успеха в профессии. Практически все эксперты отметили растущую феминизацию журналистики, в России и Латвии отмечено до 80% женщин среди работающих журналистов, в Армении – 75-80%, в Грузии – 70%, в Казахстане – 50%. Даже в традиционно «мужских» медиасистемах Таджикистана и Узбекистана число женщин в редакциях неуклонно растет. Отмечено активное вторжение женщин в прежде недоступные, считающиеся традиционно «мужской» вотчиной темы: международные отношения, макроэкономика, войны и конфликты, национальная безопасность. Многие женщины-военные корреспонденты завоевали всенародную популярность во многих странах и далеко за их пределами. Интересно, что женщины во всех странах продемонстрировали повышенный интерес к проблеме прав человека и расследованиям (прежде всего, в России, Литве, Беларуси и Киргизстана).

В то же время, среди властителей дум во многих странах по-прежнему большинство мужских имен, они же – лауреаты наиболее престижных национальных журналистских премий. Среди победителей высшей журналистской награды России «Золотое перо» за 10 лет женщины составляют всего 30%, в Казахстане – 20% женщин-лауреатов, в Азербайджане – 3%. Женщины чаще побеждают в специализированных конкурсах, в том числе посвященных гендерной проблематике. Интересно, что журналистки неохотно пишут о женщинах, несмотря на явное доминирование в профессии, считают гендерную проблематику малопrestiжной. В целом уровень гендерной чувствительности и осведомленности журналистов во всех странах невысокий.

Женщины проявляют незаурядное мужество и принципиальность в своей работе, нередко становятся объектами критики властей, угроз, преследований

и физического насилия (убиты журналистки в Киргизстане, Беларуси, России, Туркменистане).

Заработки журналистов постсоветского пространства очень различны – от эквивалента 20 долларов в Таджикистане до эквивалента 800 евро в Балтийских странах (в среднем). Дискриминацию в оплате труда по гендерному признаку отмечают практически все эксперты. Чаще всего она проявляется в скрытой форме.

Только в трех странах, Эстонии, Беларуси и Армении, женщины возглавляют национальные журналистские организации (в Туркменистане на момент исследования союза не существовало). На уровне руководства среднего звена и региональных отделений они представлены почти всюду. Во многих странах (Казахстан, Узбекистан, Азербайджан) существует несколько журналистских организаций и клубов, альтернативными организациями чаще руководят женщины. Среди членов национальных союзов мужчин значительно больше, чем в редакциях: в Эстонии женщины составляют 60% , в России – 50%, в Казахстане и Азербайджане – по 30%, в Таджикистане – всего 10%. Это говорит как о большой доле ветеранов среди членов союзов, так и об отсутствии интереса у молодых журналистов (особенно работников электронных СМИ) к работе профессиональных организаций, отсутствию новых программ, в том числе гендерно ориентированных. Проекты, посвященные преодолению гендерного дисбаланса в профессии, находятся в зачаточном состоянии в союзах России, Эстонии, Латвии. Во многих странах о них даже не заходила речь.

Образование журналистов – безусловно феминизированная сфера. В России, Латвии, Украине почти 90% студентов факультетов журналистики – девочки; в Армении, Грузии и Киргизстане – 85%, даже в Таджикистане – 70%. Во многих университетах читаются специальные курсы по гендерной проблематике, свою лепту в развитие их преподавания внесла и состоявшаяся в Москве в 2004 году первая летняя школа для преподавателей гендерных курсов на факультетах и отделениях журналистики в странах СНГ и Балтии (организаторы – СЖР, факультет журналистики МГУ и Институт «Открытое общество»). Защищаются дипломные и курсовые работы, создаются диссертации, посвященные гендерным аспектам в СМИ, планируется обмен научными кадрами и студентами. Однако все эти программы не могут серьезно повлиять на стереотипы, представленные практически во всех странах массовой культурой и дешевой шоу-продукцией.

Гендерный разрыв, гендерная асимметрия, неравенство и дискриминация в СМИ и журналистике постсоветского пространства – зеркальное отражение гендерных диспропорций в обществах, освободившихся от социалистической идеологии и цензуры. Замечено, что рост националистических настроений практически повсюду сопровождался патриархатной риторикой и ростом дискриминации по признаку пола. Отказ от социалистической доктрины равенства и

социального патернализма привел к развалу существующей системы социальной защиты, на смену которой не пришла адекватная замена. Переход к рынку и приватизация особенно негативно отразились на женщинах и детях, так же как и многочисленные этнополитические и военные конфликты. Трудно говорить о том, что на обломках бывшей империи в целом положение женщин, в том числе и журналисток, стало более завидным. Очевидно одно: проблема нуждается в длительном изучении и обсуждении. Свободные СМИ не могут развиваться там, где нет равенства возможностей – это аксиома, которую вот уже много лет повторяет МФЖ в своих документах и обращениях. Хочется верить, что общими усилиями мы сможем выработать некую реальную стратегию, которая приблизит нас к равенству и гендерной справедливости.

-
- ¹ *Гендерная реконструкция политических систем*. Институт гендерной политики (Санкт-Петербург: Алетейя, 2004).
  - ² *Средства массовой информации России*, под редакцией Я. Засурского (М., 2005).
  - ³ Яковенко И. *Разорванная профессия*. Институт «Общественная экспертиза» (2007).
  - ⁴ *Гендерная реконструкция политических систем*. Институт гендерной политики (Санкт-Петербург: Алетейя, 2004).
  - ⁵ Ажгихина Н. «Богини остались дома», *Диалог женщин*, № 14930, 2001.
  - ⁶ Тартаковская И. в кн. *Люди и роли: Гендерный монтаж*. Институт гендерной политики (2003).
  - ⁷ *Гендер для «чайников»* (М.: Звенья, 2006).
  - ⁸ Силласте Г. «Батальоны амазонок проголосовали... за мужчин», *Диалог женщин*, специальный выпуск, 2000.
  - ⁹ «Демократия минус женщина», *Диалог женщин*, № 249 40, 2003.
  - ¹⁰ *Средства массовой информации России*, под редакцией Я. Засурского (М., 2005).; Яковенко И. *Разорванная профессия*. Институт «Общественная экспертиза» (2007).
  - ¹¹ Капустин М. *Конец Утопии* (М., 1989).
  - ¹² *Средства массовой информации России*, под редакцией Я. Засурского (М., 2005).; Ажгихина Н. «Глоток свободы», *В России что-то происходит* (М.: Аслан, 2000).
  - ¹³ Яковенко И. *Разорванная профессия*. Институт «Общественная экспертиза» (2007).

- ¹⁴ Яковенко И. *Разорванная профессия*. Институт «Общественная экспертиза» (2007).
- ¹⁵ *Образы женщин в российских масс-медиа* (М.: Ассоциация журналисток, 1996).
- ¹⁶ *Образы женщин в российский масс-медиа* (М.: Ассоциация журналисток, 2000).
- ¹⁷ *Неоконченная повесть: женщины в средствах массовой информации. Гендерный анализ трудовых ресурсов* (М.: ЮНЕСКО, 1997).
- ¹⁸ *Пейзаж после битвы: гендерное измерение постсоветского медийного пространства и политика равенства МФЖ* (М., 2007).
- ¹⁹ *Гендерное равенство: зачем и как об этом говорить*, МОТ, (М., 2005).
- ²⁰ *Europe-India, Handbook on Gender Equality in Journalism, IFJ* (2006).
- ²¹ *Пейзаж после битвы: гендерное измерение постсоветского медийного пространства и политика равенства МФЖ* (М., 2007).